

Шамхал МАНИЕВ
г. Санкт-Петербург

ЖЕЛЕЗНОЕ ДЕРЕВО

рассказ

Мой дедушка прожил сто шесть лет. В молодости он удивлял окружающих нескончаемой энергией, вызывал уважение мужскими, мудрыми, не свойственными юному возрасту поступками. В зрелости необъятная энергичность в действиях сменилась на сердечные, малословные, вдумчивые речи и мысли вслух, к которым невольно прислушивались абсолютно все. Семья — жена и сын — очень любили его.

Большую часть жизни дедушка провёл в городе. Он работал учителем истории в школе, служил там образцовой опорой и для коллег, и для учеников. После смерти единственного сына — моего отца — он был убит горем и пережил инсульт. Но дедушка старался выглядеть сильнее, чтобы помочь мне взять себя в руки, пройти через несчастные слезы и упорно продолжать эту не всегда ясную жизнь ради наследия.

После смерти жены дедушка стал похож на тень — шёл по дням без света, в замкнутой тишине. А жизнь всё тянула свою линию, всё продолжалась. Рождение и последующее воспитание правнуков оживляли и поддерживали деда, придавали ему сил на многие годы. Так он стал долгожителем, самым возрастным человеком в нашем роду. Но все люди смертны, и два дня назад, после праздничного семейного ужина в честь дня рождения правнучки,

он внезапно умер. Во сне, лежа в кровати, без боли. Дедушка всегда хотел, чтобы его похоронили в родной горной деревне. Ведь там лежат его отец, мать, сын и жена.

Путь в горы был недолгим. Моего дедушку везли в гробу на «УАЗе» с открытым кузовом. Родственники, старшие — уже в третий раз они поддерживают меня в боли, вот их сила, прошедшая через года. Они встретили меня, сказали слова соболезнования, помогли найти машину для перевозки. Мужчины едут со мной в кузове, помогают придерживать гроб, ведь от резких перепадов горных дорог он может съехать и сорвать борт машины. Сегодня мы будем хоронить дедушку. Хоронить среди родни. Я привёз его: внук выполнил последнее желание деда. Молитвы, слёзы — вся церемония проходит быстро. Кажется, земля в этих местах торопит, призывает усопшего к вечному покою. Она словно говорит: «Надо скорее окунуть этого человека в мою колыбель».

Я встал напротив гроба, лежащего в глубине ровно вырытой ямы. Моё тело дрожало у могил дедушки, отца и бабушки. В памяти мелькали кадры с улыбчивыми лицами родных людей. По моим небритым щекам текли беспомощные слёзы.

Я не мог сойти с места. Через долгие минуты мои ноги подогнулись — их притянуло вниз нестерпимое желание быть ближе к утраченной семье. Руки хотели коснуться могил, и я начал счищать пыль с изображений лиц родных на чёрном граните. Разговаривал с ними, извинялся за прошлое и клялся быть сильным в будущем.

— Тебе стоит идти. Бог принял их. Всё по воле Бога, — сказал седовласый, изрезанный морщинами староста деревни.

Он положил мне руку на плечо и повёл на выход к ограде. Тревожно дул усталый ветер. На кладбище уже никого не было. Надгробия из песчаника и гранита усеивали этот холм с видом на лесистые горы. У некоторых могил лежали цветы, в основном искусственные гвоздики и розы. Попадались могилы с потухшими лампадками. Сон умерших охранял густо поросший лесом горный хребет. Он объял всё вокруг скалистыми зелёными вершинами. Приютил каждого — и в полной мере нажившего счастья, и того, чей путь к счастью был прерван. Высокие деревья, словно стражники, следили за бесконечными грёзами каждого упокоенного.

На выходе, у калитки меня снова, как годы назад, встретило могучее, с корявыми, сильными волокнами на стволе и ветвях железное дерево. Оно хвасталось зелёной листвой и лучами солнца на коре. У здоровых пальцев-корней играли яркими оттенками цветы. Вся эта картина злила меня, я чувствовал, как радуется природа, радуется это старое, но как будто бы совсем живое, одушевлённое дерево, пока я с

трудом нахожу силы идти после очередной потери родного, такого нужного мне человека...

«Надо жить дальше, надо собрать волю в упрямый кулак. Сегодня я переночую в доме у старших родственников, а завтра поеду в город, домой, встречу своих детей и старательно, через боль в сердце уйду снова в повседневность», — твердил я себе приказным тоном.

Днём перед отъездом я снова зашёл на кладбище попрощаться с родными. После слов обещаний направился уже привычным, знающим шагом на выход. В нескольких метрах от меня бросились красным в глаза огромные охапки цветов, над которыми поднималась высокая плита. Я подошёл ближе. У свежей могилы лежали пышные венки, а между ними игрушки — машинки-грузовики, плюшевые звери. Я замер, по всему телу, будто глухой болью, медленно прошла чёрная, вязкая смола. На надгробии изображён совсем маленький мальчик. Он сидит, играет, но смотрит с надгробья как живой — на секунду отвлёкся от игры для фото. В руках у него грузовичок...

Это было невыносимо. Сдавило виски, закружилась голова. Я продолжил идти к выходу, почти ничего не видя. Поднял глаза — снова это железное дерево... Оно не сияет как вчера. Оно мертво. Ни единого листка на корявых ручищах-ветвях. Ветви ободранные, с них слезла кора. И по всему стволу дерева — глубокая трещина на всю высоту.

Шамхал МАНИЕВ

родился в 1990 г. в Ленинграде. Пишет прозу. Автор двух книг. Член Литературной студии имени А. Д. Балабухи при Союзе писателей Санкт-Петербурга. Финалист III Международной литературной премии им. А. Казинцева «Я верю в человека»

и конкурса «Северная звезда» (2023).

В журнале «Север» публикуется впервые.

